

Власть-конспект

Виталий КОСЫХИН

МЕТАФИЗИКА ВЛАСТИ И ПРОБЛЕМА НИГИЛИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Современная парадигма осмысления понятия власти в философии восходит к концепциям Ф. Ницше и М. Хайдеггера, у которых исследование феномена власти оказалось тесно связано с анализом различных форм нигилизма. Метафизика власти широко присутствует и в современной философии, где понятие власти оказалось тесно связано с исследованием языка, на котором и через который эта власть говорит.

Если ретроспективно взглянуть на историю отношения к понятию власти со стороны европейской философии, то трудно избежать вывода о том, что на протяжении длительного периода времени — от античности до самого конца XIX века — власть представляла в глазах философов как феномен достаточно второстепенный, растворенный внутри более существенной государственно-правовой проблематики. О власти говорилось в свете рассуждений о судьбе или разуме, которые управляли порядком сущего, в контексте философских споров о божественном происхождении правителей или наилучшем государственном устройстве, но при этом сама власть как феномен онтологический, затрагивающий все сферы жизни общества и человека, оставалась в тени.

И если сегодня мы говорим о философской или метафизической проблематике власти, об онтологии власти как таковой, то этим мы обязаны тому решительному изменению в отношении к понятию власти, которое происходило в европейской мысли, начиная с последних десятилетий XIX века.

За новым вниманием философии к власти, если рассматривать вопрос в более широком социальном контексте, скрывались глубинные сдвиги и трансформации в общественном сознании европейского человечества, связанные с всеобщим кризисом прежних духовных, религиозных и политических ценностей. Ослабление культурно-политического влияния аристократии, усиление парламентаризма через расширение избирательных прав граждан заново ставили проблему легитимации власти.

Естественно, что философия не могла не откликнуться на те процессы, которые были связаны с новой формой постановки вопроса о власти, и буквально на глазах меняли лицо прежней Европы. Обстановка тотального кризиса всех прежних ценностей культуры взывала к необходимости философского осмысления этого кризиса и поисков путей выхода из него. В этой ситуации наиболее яркими и радикальными попытками переосмысления вопроса о власти стали философские учения Карла Маркса и Фридриха Ницше. И если у Маркса вопрос о власти еще не ставится напрямую, растворяясь в социально-экономической борьбе различных классов общества и отражаясь в сменяющих друг друга общественно-экономических формациях, то в философских исследованиях Фридриха Ницше, особенно в поздний период его творчества, где-то с середины 80-х годов XIX века, власть начинает интерпретироваться как самодостаточный онтологический феномен, пронизывающий все отношения между людьми и являющийся исходным и конечным пунктом анализа для философии. Таким образом, именно Ницше можно с полным правом называть основоположником новой метафизики власти в европейской философии. Эта метафизика власти в своих

КОСЫХИН
Виталий
Георгиевич —
докторант
Саратовского
государственного
университета им.
Н. Г. Чернышевского

наиболее отчетливых и радикальных формах нашла свое выражение на страницах последнего посмертно изданного произведения Ницше «Воля к власти».

Оставив в стороне вопрос о степени участия самого философа в создании этого произведения, равно как и то, насколько точно позднейшие компиляции дневниковых записей Ницше отражали его подлинный замысел, отмечу тематически для нас существенное, а именно то, что по воле случайности или судьбы понятие власти у Ницше оказалось неразрывно связанным с понятием нигилизма. Констатация и диагностика нигилизма, этого «самого страшного из гостей», по выражению самого мыслителя, как главной проблемы, стоящей перед лицом европейского человечества уже с первых страниц «Воли к власти», задают магистральную линию ницшеанского вопрошания о власти и очерчивают возможные контуры новой метафизики власти.

Согласно Ницше характерные для современной ему Европы конца XIX века всеобщая упорядоченность, интеллектуально обозримая и безликая, ставшая образцом научного знания, стремление к социальному и политическому равенству приводят к ослаблению жизненных сил культуры. Из нее исчезает дух героизма и непредсказуемости, в результате чего торжествует посредственность, а личность растворяется в безликости толпы. Этапы развития европейской культуры, приведшие ее к плачевному состоянию, Ницше диагностирует как этапы прогрессирующего развития нигилизма. Современный исследователь творчества Ницше Б. В. Марков говорит в связи с этим о трех условиях возникновения и трех этапах нигилизма у Ницше¹. Среди условий Б. В. Марков выделяет: 1) разочарование в поисках конечных целей и смысла миропорядка; 2) веру в единство, системность и целостность действительности; 3) неверие в существование трансцендентной реальности, что выражается в получивших широкое распространение феноменах материализма, социализма, атеизма. Тремя этапами являются соответственно этапы вкладывания, последующего изъятия и создания новых ценностей. Таким образом очевидно, что Б. В. Марков показывает прямую связь понятия

нигилизма у Ницше с кризисом мировоззренческих ценностей.

Сам Ницше определяет нигилизм как отрицание жизни и высших ценностей. И если прежде нигилизм означал обесценивание и отрицание жизни во имя высших ценностей, таких, как Бог, то современная эпоха порождает согласно Ницше новую форму нигилизма — отрицание этих прежде утверждаемых высших ценностей и замену их ценностями «человеческими, слишком человеческими» (так называется одна из книг самого Ницше). Мораль заменяет религию, как, например, в философии Канта и в эпоху Просвещения в целом; польза, прогресс, история встают на место божественных установлений.

Нигилизм для Ницше — это не только позитивистский дух науки XIX в., но более широкое историческое движение, затрагивающее всю историю Запада последних столетий и лишь с особой силой проявляющееся в позитивизме, пессимизме и социализме. Истолкование самой сути этого нигилизма Ницше сводит к краткой формуле «Бог мертв». Как отмечает современный греческий исследователь нигилизма, философ и богослов Христос Яннарас, «в словах Ницше мы сталкиваемся не с выражением личных убеждений атеиста, но с пронизательными констатациями пророка. «Бог умер»: это значит, что христианский Бог, Бог западной метафизики — уже мертвая фикция ума, «голая идея», абстрактный смысл. В лучшем случае этот Бог представляет собой некоего идола, некую условную «ценность». Действительно, он никак не влияет на жизнь европейца, вовсе не он придает смысл существованию человека, мира и истории. На Западе место Бога пусто: Бог есть отсутствие. Это отсутствие уничтожает всякую жизненную истину по ту сторону тленности и смерти и определяет содержание европейского нигилизма... Именно в силу того, что европейская метафизика предлагает абсолютизированно, рационалистически принять Бога, она приготавливает и возможность рационалистически отрицать его. «Смерть Бога» есть итог почти тысячелетнего исторического развития этого абсолютизированного и обоюдоострого рационализма в пространстве западноевропейской цивилизации».

Нигилизм — это исторический процесс, в ходе которого «сверхчувственное» в его господствующей высоте становится шат-

¹Марков Б. В. Пути Хайдеггера к Ницше. Хайдеггер М. Ницше. Т. 1. СПб., 2006, стр. 585–586

ким и ничтожным, так как само сущее теряет свою ценность и смысл. Поэтому нигилизм — это не очередное модное воззрение или течение мысли со своими кумирами, основоположниками, представителями. Наоборот, нигилизм — это то, чему отныне суждено проявляться во всех воззрениях, ибо это — история сущего, когда медленно, но неотвратно выходит на свет смерть христианского Бога в сердцах европейцев. Да, в этого Бога еще долго будут верить и считать, что он по-прежнему оказывает определяющее воздействие на мир и судьбы человечества, но для Ницше подобная вера похожа на свет уже угасшей звезды, когда сама звезда исчезла, а ее свет виден еще некоторое время, создавая онтическую иллюзию присутствия. Смерть Бога для Ницше — основное событие современности, впервые прочувствованное и до конца понятое им самим. Это событие требует новой переоценки всех ценностей, поскольку прежние ценности, связанные с христианским Богом и сферой сверхчувственного, вообще утратили свой смысл. И теперь классически понятый нигилизм означает освобождение от прежних ценностей, но для новой переоценки ценностей — задачи, которую Ницше ставит перед собственной философией. Это означает, что пассивный нигилизм разочарования в ценностях прошлого должен смениться активным нигилизмом возрастания мощи духа и жизненных сил, который решительно критикует прежние ценности и утверждает новые цели, ценности и перспективы. В центре этого утверждающего нигилизма Ницше ставит свое учение о воле-к-власти и сверхчеловеке.

На последнем этапе нигилизма все ценности прежних эпох приходят в упадок, все обесмысливается и воля погружается в бездействие. Современный человек, собственно, по-настоящему уже ничего и не хочет, а лишь пытается по инерции продолжать полученный когда-то импульс жизни, все более и более погружаясь в рутину мелких выгод и удовольствий. Но именно в этот момент сумерек культуры, когда ее судьба, казалось бы, предрешена, и открывается последняя возможность ее выживания, возможность для переоценки заново всех прежних ценностей, для нового переосмысления понятий добра и зла. И это не просто возвращение воли, это — новый, невиданный прежде ее порыв.

Здесь, по Ницше, на первое место выходит поддерживаемая изначально импульсом жизни воля к власти, лишенная всяких моральных противесов. «Что хорошо? — спрашивает Ницше и сам же дает ответ: все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть. Что дурно? Все, что происходит из слабости».

Здесь нужно уточнить, что же понимает Ницше под «властью». «Власть» здесь вовсе не означает распоряжения другими людьми, эта власть не политическая или социальная, но метафизическая, выстраиваемая сознательно как принцип жизни. Природа воли к власти, по Ницше, — не в том, чтобы просто господствовать, распоряжаться или брать (для этого вовсе не требовалась бы такая фундаментальная переоценка всех ценностей), но в том, чтобы творить и отдавать. Власть — это не то, чего волит воля, но то, что волит в воле. Воля к власти — эта сознательная воля к опьянению жизнью. Это — сама тайна жизни, основная черта всего сущего. Все сущее, поскольку оно вообще есть, и в том виде, как оно на самом деле есть, — это «воля к власти». И познание, если оно не умерло в абстракциях разума и не оторвалось от жизни окончательно, действительно только как орудие власти. Законы науки — всего лишь полезные фикции, а истина — полезное заблуждение. Ницше отвергает христианство как религию, сознательно ослабляющую жизнь и противостоящую «воле к власти», то есть как религию, направленную против жизни и законов мироздания, а значит, религию (в новой, ницшеанской шкале ценностей) аморальную. Для Ницше равным образом неприемлемо как утверждаемое христианством равенство людей перед богом (жизнь создала людей неравными, поскольку у них разная сила воли-к-власти), так и религиозное смирение (что означает опять-таки подавление в себе этой воли-к-власти). Ницше отвергает и все виды социалистических учений, видя в них «восстание рабов в морали». На место умершего Бога прежней культуры должен встать сверхчеловек, презирающий прежние моральные ценности и утверждающий свою безграничную волю к власти. Образ сверхчеловека встает со страниц главного произведения Ницше — «Так говорил Заратустра» (1885), где Ницше вкладывает в уста стилизованного им под свою философию древне-

персидского религиозного реформатора свои сокровеннейшие мысли о сверхчеловеке (образом которого ницшеанский Заратустра и является). Заратустра, сверхчеловек — это «танцующая звезда», вечное движение и становление, лишенное атрибутов устойчивого бытия, он — чистая воля к власти, утверждение жизни за пределами истины и лжи, за пределами добра и зла. В своих последних произведениях Ницше пророчески о гибели современной ему цивилизации, о мировых войнах и новом устройстве мира. И хотя прогнозы Ницше казались современникам чрезмерно пессимистическими, своего рода плодами болезненного воображения, многие из них в XX веке осуществились (достаточно упомянуть две мировые войны, появление массовой культуры и единой Европы), а его философия оказала влияние на всю европейскую культуру XX века.

Мы не случайно так подробно остановились на ницшеанских размышлениях о нигилизме и воли к власти, поскольку именно философия Ницше стала своеобразной точкой отсчета для последующего осмысления понятия власти в европейской философии. Особое место среди мыслителей, испытавших непосредственное воздействие ницшеанских идей, занимает Мартин Хайдеггер, в многочисленных работах которого понимание власти и нигилизма приобрело четкую онтологическую трактовку.

Для Хайдеггера Ницше — последний мыслитель метафизики, завершение которой «помещает сущее в оставленность бытием»¹. В этом контексте «воля к власти — единственная в своем роде власть бытия «над» сущим в целом (которая в завуалированном виде проявляется в оставленности бытия сущего)»². И Хайдеггер первым говорит о метафизике воли к власти как сущностной черте мышления Ницше. Неудивительно, что среди выделяемых Хайдеггером пяти основных рубрик ницшеанской философии, таких как «воля к власти», «нигилизм», «вечное возвращение того же самого», «сверхчеловек» и «справедливость», на первое место по значимости для Хайдеггера выходят онтологически переосмысленные и

освобожденные от свойственных Ницше аксиологических черт ценности и оценки понятия «воли к власти» и «нигилизма». Как пишет Хайдеггер: «Воля к власти» характеризует бытие сущего как такового, *essentia* этого сущего. «Нигилизм» — это наименование истории истины таким образом определенного сущего»³.

Таким образом, Хайдеггер говорит об онтологическом нигилизме, охватывающем различные способы нигилистического отношения к бытию, связывая нигилизм уже не только с критикой ценностей, но также с установкой мышления, стремящегося мыслить сущее вне контекста его бытия. Хайдеггер полагает, что именно этот нигилизм мышления и присутствует в логико-технологическом способе репрезентации действительности, принятом в современной науке, проявляясь «в виде рационализации всех порядков, нормирования, нивелирования»⁴.

Направленный на внутримировое сущее технологизм современной науки, проникающей во все уголки Земного шара, столь же мало обеспокоенный мышлением о бытии, как и моральными ограничениями, приводит, по Хайдеггеру, к тому, что «движение нигилизма в его планетарной и все подтачивающей, многоликой неустойчивости стало очевиднее. Ни один благоразумный человек сегодня не станет отрицать, что нигилизм в самых разнообразных и замаскированных формах стал «нормальным состоянием человечества».

Вопрос о сущности власти решается Хайдеггером в контексте вышеприведенных размышлений о метафизике воли к власти и нигилизме. Согласно Хайдеггеру, власть обладает качеством самовозрастания, она никогда не останавливается на достигнутом. «Власть только тогда власть, когда она остается возрастанием власти и повелевает себе увеличивать себя самое. Одно только устояние в возрастании власти, застывание на какой-либо ступени власти уже полагает начало безвластию»⁵.

³ Хайдеггер М. Ницше. Т. 2. СПб. «Владимир Даль», 2007, стр. 227

⁴ Хайдеггер М. О «линии». Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер, Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер, Гюнтер Фигаль. СПб. Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006, стр. 71

⁵ Хайдеггер М. О «линии». Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер, Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер, Гюнтер Фигаль. СПб, Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006, стр. 71

¹ Хайдеггер М. Ницше. Т. 2. СПб. «Владимир Даль», 2007, стр. 416

² Хайдеггер М. Ницше. Т. 1. СПб.: «Владимир Даль», 2006, стр. 427

Власть постоянно находится в движении, и «воле к власти» противостоит не достигнутая и обретенная власть, но «воля к безвластию». Сущность власти как раз и заключается в «воле к власти», то есть в воле к преодолению и расширению себя самой. Но когда мерой всего становится лишь количество возросшей и организованной власти, то мы переходим в полностью нигилистическое измерение, отрицающее саму возможность задаваться вопросами о бытийных источниках и целях самой власти.

Если спроецировать хайдеггеровские размышления в область политической онтологии власти, то можно прийти к заключению о том, что власть оказывается в двойственном положении, служа одновременно барьером против нигилизма и его проводником. Следовательно, мы вправе поставить вопрос о метафизических стратегиях власти, особенно когда речь заходит о нигилизме, подтачивающем изнутри саму власть. Разумеется, что данные стратегии власти — это действия, подразумевающие противостояние власти и нигилизма, что в свою очередь в более широкой перспективе ставит вопрос об ответственности власти перед обществом и отдельным человеком, о самоограничивающих механизмах, препятствующих нигилистическому перерождению власти. Это означает в контексте метафизики власти сопряженность власти с ценностным измерением бытия.

Как утверждает Хайдеггер, «воля к власти (и только она) есть воля, волящая ценности. Поэтому в конечном счете она вполне однозначно должна становиться и оставаться тем, откуда берет начало всякое полагание ценности и что господствует над всякой оценкой: может оставаться «принципом оценивания». Следовательно, как только воля к власти постигается как основная особенность сущего как такового и сама отваживается исповедовать себя таковой, осмысление сущего как такового в его истине, то есть истине как мышлении воли к власти, неизбежно превращается в мышление в соответствии с ценностями. Метафизика воли к власти (и только она) по праву и с необходимостью есть мышление в контексте ценностей».

Другое дело, что сам Хайдеггер вовсе не стремился оставаться в пределах метафизики, и «метафизика власти» в духе

Ницше была для него хотя и важным, но тем не менее уже пройденным этапом в истории мысли. В текстах позднего Хайдеггера основной акцент делается на власти бытия, которая предпочитает говорить на собственном, изначальном языке, и вследствие этого онтология принимает неискоренимый языковой характер.

Если распространить выводы Хайдеггера применительно к понятию власти (а именно это и стало происходить в европейской философии, начиная с 70-х годов, особенно в рамках постструктурализма и герменевтики), то сущность власти оказывается существующей в языке, а сама власть проявляется в событии своего говорения, то есть на дискурсивном уровне. Именно властная речь, дискурс власти являются подлинным местом осуществления ее полномочий. Более того, язык власти предшествует отношениям самой власти. Это отчетливо видно в концепции «микрофизики власти» Мишеля Фуко, а также в размышлениях Ролана Барта о власти, воплощенной в языке и идеологизированном и мифологизированном характере обыденного языка, пронизанного множественными властными отношениями. В философии постмодерна понятие власти рассматривается как обладающее множественным и нефиксированным полем значениями, в котором разнообразные смысловые составляющие вступают в сложные и неоднозначные взаимоотношения, перенося тем самым акцент на исследования различных властных функций и форм.

Подводя итоги предпринятого нами исследования, мы можем говорить о том, что понятие власти обладает принципиальным онтологическим статусом. Это означает, что власть укоренена в самом бытии человека и общества, распространяя свое действие на все сферы общественной жизни. В зеркале современного философского мышления власть обладает чертами тотальности, множественности и разнородности. И основной проблемой современных философских исследований понятия власти выступает проблема согласованности действий различных частей и страт того сложного многоуровневого и многоаспектного феномена, каким является власть с точки зрения современной философии.